

Поблуднев лицом, Гермес бросился к храму отца, и голос сестры разнесся по всему Олимпу. Ее божественная энергия колебалась в виде всплесков и, вероятно, ощущалась всеми, кто сейчас живет на Олимпе. Она была настолько мощной, что Гермес практически чувствовал ее ярость. "О, Боже. Она так зла!" пробормотал он, едва избежав столкновения с парой нимф и прокричав извинения, когда пробежал мимо них.

Через несколько секунд Гермес распахнул огромные золотые двери храма своего отца и вбежал внутрь, захлопнув их за собой. Внутри храм Зевса был именно таким, каким его можно себе представить. Он был большим и просторным, и все в нем было сделано из мрамора. Лично Гермес предпочитал деревянные полы, а мраморные казались ему слишком скользкими, но он не собирался сомневаться в отцовском вкусе к отделке. На второй этаж, где располагались апартаменты, вела парадная лестница и длинный коридор, где хранилось множество отцовских трофеев и статуй, изображавших его величайшие победы. В центре храма возвышалась огромная статуя Зевса, достигавшая высоты крыши и видная всем на каждом этаже.

Когда он перевел дыхание, до его ушей донесся звук телевизора, и Гермес заметил слабое свечение, исходящее из одной из задних комнат. Похоже, оно исходило из театральной комнаты его отца. Его отец был большим любителем кино и увлекался романтическими комедиями, о чем, конечно, мало кто знал.

Наверное, ищет очередную голливудскую звезду, чтобы соблазнить ее", - подумал Гермес и направился в комнату. Его отец любил знаменитостей почти так же сильно, как Афродита.

Как он и ожидал, появившись в дверях, он увидел отца, сидящего в удобном кресле из черной кожи с золотым шитьем. Театральная комната Зевса была огромной даже по обычным меркам и оформлена так же, как и смертный театр: стены украшали постеры любимых фильмов Зевса. В частности, "Крестный отец" был любимым фильмом его отца всех времен, и Гермес застал царя Олимпа за декламацией цитат из этого фильма, как будто это был Шекспир. Полки были до отказа забиты DVD-дисками, VHS-кассетами и старыми кинокассетами. Сбоку находился кондитерский киоск, где всегда лежали любимые лакомства Зевса. У него даже был автомат для приготовления слайсов с дюжиной различных вкусов.

На Зевсе был его обычный костюм с молниями, пляшущими по ткани, а внушительную ауру, которую пытался создать его отец, выдавали пушистые белые тапочки, в которые были обуты его ноги. Они были подарены Гестией несколько лет назад, и бога неба редко можно было увидеть без них, когда он бродил по своему храму. Гера пыталась уговорить его надеть что-нибудь другое, когда они проводили время вместе, обнимаясь в одном из своих храмов, но пока ей это не удалось.

Ворвавшись в комнату, он огляделся и быстро отыскал лучшее место для укрытия. В данном случае он решил спрятаться за огромными золотыми шторами, которые закрывали экран отца, когда он не использовался. Они были достаточно большими, чтобы человек мог незаметно спрятаться.

Бог Неба и Король Богов удивленно моргнул, в его руках оказалась горсть маслянистого попкорна, который рассыпался по бороде. Собравшись с мыслями, он нахмурился, и по

комнате пронесся гул его огромной силы, сопровождаемый запахом озона: "Гермес! Что ты себе позволяешь!" Он поставил фильм на паузу, и на экране застыло изображение Бобби Баучера, собирающегося ударить учителя.

Зевс любил Адама Сэндлера, но это было не то и не другое.

"Прости, папа!" Младший бог скользнул за занавеску, и Зевс почувствовал, как исчезает божественная энергия его сына. "Я все исправлю, клянусь. Только не дай Артемиде найти меня!"

Зевс зарычал: "Что ты наделал, идиот?"

За занавесом Гермес собирался объяснить ситуацию своему отцу, надеясь, что тот поймет его положение. Хотя Зевс и был хлюпиком, когда дело касалось его бессмертных дочерей, в частности Артемиды и Афины, он мог только надеяться, что отец поддержит его в этом деле. В конце концов, Зевс практически изобрел кодекс брата. Однако не успел Гермес произнести ни слова, как двери храма Зевса со скрипом распахнулись, заставив Гермеса застыть в безмолвии и неподвижности, как статую.

Повернувшись к дверному проему, Зевс увидел, как в дверь входит его младшая дочь-олимпиец, и быстро заметил вещество, покрывающее ее тело. "Картофель?" - подумал он, прежде чем его разум начал работать и складывать кусочки головоломки воедино. Он фыркнул и закатил глаза, покачивая головой. Его сыновья, похоже, забыли, какими грозными могут быть их сестры-олимпийцы.

Войдя в комнату со сжатыми в кулаки руками, богиня Луны пронеслась по комнате бесшумно, как лань, ее глаза работали на тысячу миль в час, обследуя каждый уголок в театральной комнате Зевса. "Отец, - поприветствовала она, наклонившись и нежно поцеловав отца в щеку. Ее глаза не отрывались от киноэкрана, и Зевс наблюдал, как она ищет занавес слева, а затем останавливается на занавесе справа.

Ее глаза сузились, и Зевс с легким весельем наблюдал за тем, как его сыновья скрываются от посторонних глаз.

Артемиде шагнула вперед с выражением лица, обещающим сильную боль, когда Зевс окликнул ее: "Лунный цветок". Она повернулась и уставилась на царя богов. Если бы кто-то другой назвал ее этим именем, Артемиде намотала бы свой лук на голову. Это было домашнее имя, которое она получила, когда впервые посетила Олимп. Только ее отцу и матери, Лето, разрешалось называть ее так. Даже Аполлон зарылся бы головой в землю, если бы это имя сорвалось с его губ.

"Да, папа". Зевс не преминул усмехнуться, услышав это имя. Она называла его так только тогда, когда чего-то хотела или когда ей нужно было от чего-то отделаться.

"Выведи ее на улицу". Как бы она ни злилась, у него не было желания наблюдать, как два его ребенка выворачивают наизнанку его храм.

"Ладно". В ее словах прозвучало недовольство, но оно исчезло, как только ее взгляд вернулся к занавескам. Не успел Зевс моргнуть, как Артемида бросилась вперед и нырнула за занавеску. Тишина воцарилась не более чем на секунду, прежде чем в его висках раздались крики сына, и царь покачал головой: Артемида вытащила Гермеса из-за занавеса, зажав его голову в своих руках в неудобной на вид позе. Его сын пытался вырваться, дико размахивая руками в воздухе, но Артемида уклонялась от каждого взмаха.

Бог Сообщений попытался поднять глаза на сестру: "Это был несчастный случай! Клянусь! Я должен был схватить баристу!"

Его слова возымели обратный эффект, на который он рассчитывал. Артемида ничего не ответила и лишь крепче сжала его голову. Если бы он не был богом, то голова Гермеса отлетела бы, как пробка от шампанского.

"Папа! Вытащи меня из этого!" успел выкрикнуть Гермес, прежде чем свободный кулак сестры обрушился на его макушку. На ее лице отразилось выражение садистского восторга, и она вытащила бьющегося Гермеса из театральной комнаты Зевса и из храма.

"Ты сам виноват, Гермес", - проворчал Зевс, прежде чем разморозить фильм. Он знал, что характер у его дочери почти такой же скверный, как и у него, но надеялся, что она сможет сдержаться и не зайти слишком далеко. "Подними подбородок".

"Только не это лицо! Пожалуйста, только не это..." Последовал хлюпающий звук, за которым последовал крик агонии, заставивший Зевса вздрогнуть, когда дверь в его храм захлопнулась. Тряхнув головой, он не обратил внимания на происходящее снаружи и откинулся в кресле, снова погрузившись в попкорн с маслом.

Вскоре из его уст вырвался смех: "Ха! Этот фильм убивает меня каждый раз".